

В. Н. Степанчук
(К и е в)

АРХАИЧНЫЕ ИНДУСТРИИ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОБ «ОРИНЬЯКОИДНОСТИ»

Статья посвящена некоторым аспектам изучения раннего верхнего палеолита Восточной Европы, а именно, вопросу применения технологии пластинчатого расщепления в контексте т. н. архаичных (симбиотических) ВП индустрий региона, а также выяснению меры свойственности этим индустриям т. н. «ориньякоидности».

К л ю ч е в ы е с л о в а: ориньяк, пластинчатое расщепление, инвентарь, симбиотические индустрии, верхнепалеолитические индустрии, ориньякоидный компонент.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент существует несколько версий, описывающих становление верхнего палеолита на территории Восточной Европы и вовлекающих материалы украинских памятников [Гладких, Станко, 1997; Аникович и др., 2008; Степанчук, 2005; Sinitsyn, 2010; Hoffecker, 2011 и др.].

Из предложенных к обсуждению, автору наиболее импонирует версия, разрабатываемая М.В. Аниковичем. Точка зрения автора на различные аспекты вопросы перехода к верхнему палеолиту на территории современной Украины и шире, Восточной Европы, высказывалась в ряде работ [Cohen, Stepanchuk, 1999; Коен, Степанчук, 2000; Степанчук, 2005; 2006]. На мой взгляд, период перехода к ВП и период РВП характеризуется сосуществованием среднепалеолитических, собственно верхнепалеолитических и переходных (архаичных или симбиотических) верхнепалеолитических индустрий; в Восточной Европе и на Украине до сих пор не известны инициальные верхнепалеолитические памятники, подобные известным на Алтае [Деревянко, 2010], которые де-

монстрировали бы *in situ* переход от локальной среднепалеолитической подосновы к верхнепалеолитическому потомку.

К числу архаичных индустрий обычно относят те, что в своем составе имеют выразительные среднепалеолитические технические и типологические элементы. В качестве выразительного СП элемента часто рассматривают применение двусторонней техники. Смешение признаков разных эпох в рамках достоверно гомогенного инвентаря отдельного памятника или группы памятников позволяет употреблять по отношению к таким материалам термин симбиотические индустрии.

В рамках Восточной Европы различают несколько разновидностей архаичных или симбиотических РВП индустрий [Аникович и др., 2008]. Наиболее известны среди них стрелецкая и городцовская индустрии (культуры). Первая из них имеет значительно более длинную хронологию, чем вторая и представлена памятниками огромного территориального размаха: от северного Приуралья до, возможно, Правобережной степной Украины. Следует отметить, что не все исследователи относят всю совокупность стрелецких и городцовских памятников к числу ранних верхнепалеолитических. А.А. Сеницын, например, рассматривающий хронологическое положение памятников как один из важнейших периодизационных критериев, относит памятники с городцовской индустрией к переходу от раннего ВП к среднему ВП [Sinitsyn, 2010]. В его понимании городцовская индустрия, в отличие от стрелецкой, не является ни РВП, ни переходной.

Важным обстоятельством в изучении РВП Восточной Европы является установление факта очень раннего появления в регионе т. н.

развитых ВП индустрий [Аникович и др., 2008; Sinitsyn, 2010]. Это время определяется сейчас в 42—45 тыс. лет назад. Предлагается использовать этот древнейший ВП индустриям региона название инициального (начального) ВП [Синицын, 2005; Sinitsyn, 2010].

Однако древнейшие развитые ВП индустрии не имеют никаких признаков связи с предшествующим региональным СП субстратом, они очевидно являются интрузивными и имеют вполне комплектный, полноценно ВП облик. Древнейшие интрузивные ВП индустрии региона характеризуются верхнепалеолитическим набором каменных орудий, включая микроинвентарь, им свойственна развитая костяная индустрия, наличие украшения, и пластинчатое расщепление. В таких инвентарях отсутствуют среднепалеолитические типы изделий, не применялась среднепалеолитическая технология расщепления. Так же, как и среди симбиотических, среди собственно верхнепалеолитических индустрий могут различаться отдельные группировки и фации (технокомплексы, культуры, типы памятников) [Аникович и др., 2008; Sinitsyn, 2010].

Каковы пространственно-хронологические и предполагаемые генетические взаимоотношения между среднепалеолитическими, архаичными (симбиотическими) ВП индустриями и развитыми ВП индустриями? Здесь существует целый блок вопросов и все они дискуссионны и далеки от разрешения [Аникович и др., 2007; 2008; Вишняцкий, 2008; Степанчук, 2006].

Один из аспектов этого блока вопросов — выяснение специфики и характеристик архаичных ВП индустрий, в частности, соотношения «среднепалеолитического» и «верхнепалеолитического» компонентов в технологии и типологии. Изучение каменного инвентаря верхнего слоя стоянки Мира, находящего соответствия в стрелецкой и, в большей степени, в городцовой индустрии среднего Дона, приводит к выводу о довольно развитом характере пластинчатого расщепления на этом памятнике и наличии здесь некоторой «ориньякоидности» [Степанчук, 2006].

Как же обстоит дело на других памятниках архаичного ВП Восточной Европы? Является ли развитый характер пластинчатого расщепления Мира: I и некоторая ориньякоидность инвентаря этого слоя исключительной характеристикой названного поселения, или же, напротив, эти черты свойственны всем архаичным (симбиотическим) ВП инвентарям? Чтобы попытаться найти ответ на этот вопрос, обратимся к материалам памятников архаичного ВП восточноевропейского региона и привлечем для анализа опубликованные данные и данные личного ознакомления с некоторыми инвентарями. Следует специально подчеркнуть: анализ типологии упоминаемых ниже памятников остается, главным образом, за скобками обзора.

Обзор ряда РВП архаичных индустрий восточноевропейского региона

В обзор в настоящей статье привлечены: Мира, слой I; Высь (Шмыдово); Заозерье; Бызовая; Костенки 14, слой II; Костенки 12, слой I; Костенки 12, слой III; Костенки 15. Таким образом, привлечены украинские памятники, близкие городцовой (Мира) и стрелецкой (Высь) индустриям, некоторые памятники собственно стрелецкой и городцовой РВП индустрий среднего Дона, а также памятники архаичного РВП севера Восточной Европы, находящего аналогии в РВП среднего Дона.

Мира: I, долина среднего Днестра ниже Запорожья, Украина. Возраст между 28—27 тыс. л. н. (радиоуглеродные некалиброванные конвенционные и AMS даты). Индустрия: архаичный ВП, сочетающий СП и ВП компоненты, ближайший аналог — городцовская индустрия среднего Дона. Сырье почти исключительно приносное, удаленное. Нуклеусы на отдельных сырьевых инвентарях претерпели значительную модификацию; исходно характеризовался наличием крупных пластин и двусторонних орудий. При расщеплении применялся твердый и мягкий отбойник, зона удара часто фасетировалась; применялась т. н. «микокская» технология плоско-выпуклой двусторонней заготовки. Отмечаются ориньякские черты (микроинвентарь, высокие формы скребков, крупные пластины). Значительная часть инвентаря выполнена на фрагментированных, часто намеренно, пластинах, в основном 2—3-скатных, шириной до 3 см, исходной длиной до 10—15 см (рис. 1). Серия сколов (регушированных и нет) доставляет такие показатели: параллельно огибанных 43.14, с центростремительной огибкой 14.51, IF 31.6, IFs 26.57, Пам 15.56, индекс редуцированных сколов 44.36, индекс сколов с губкой 60.48.

Высь, бассейн Южного Буга, Украина [Зализняк та ін., 2008; Зализняк, Беленко, 2009; Зализняк, Беленко, 2011]. Предполагаемый возраст ~30 тыс. л. н. (стратиграфические указания). Индустрия: «селетского круга» с аналогиями в стрелецкой индустрии и молдавском селете, архаичный ВП с «мустьерскими реликтами» в виде «архаичной техники расщепления, скребла» [Зализняк, Беленко, 2011, с. 272]. Ближайшие региональные аналогии: молдавский селет [Зализняк, Беленко, 2011, с. 272]. Преобладает местное (?) сырье. «...Нуклеусы демонстрируют грубую подпараллельную технику скальвания отщепов и грубых, коротких пластин...» [Зализняк, Беленко, 2011, с. 264]. «...Характерной особенностью кремневого комплекса Выси является грубая отщеповая техника обработки кремня...» [Зализняк, Беленко, 2011, с. 265]. Присутствуют двусторонние формы. Изделия мало модифицированы. Ориньякоидный компонент представлен высокими скребками (иногда нуклеидными) и пластинками дюфур (рис. 2).

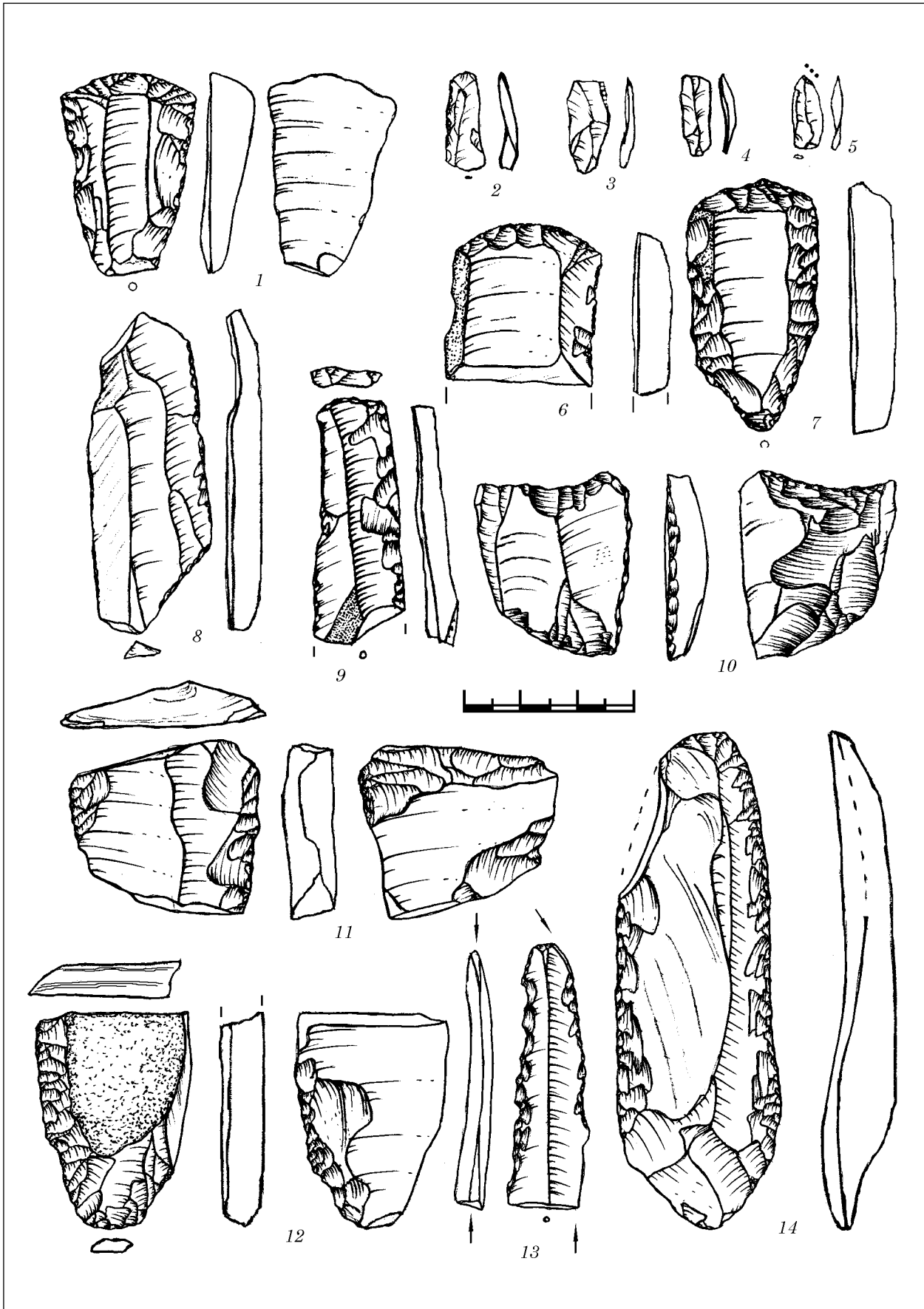

Рис. 1. Мира, слой I. 1, 6, 7 — разнотипные скребки на пластинах и их фрагментах; 2—5 — микропластинки, в т. ч. с ретушью; 8, 9, 12—14 — целые и фрагментированные пластины с ретушью, резцовыми сколами; 10 — долотовидное изделие на фрагменте пластины

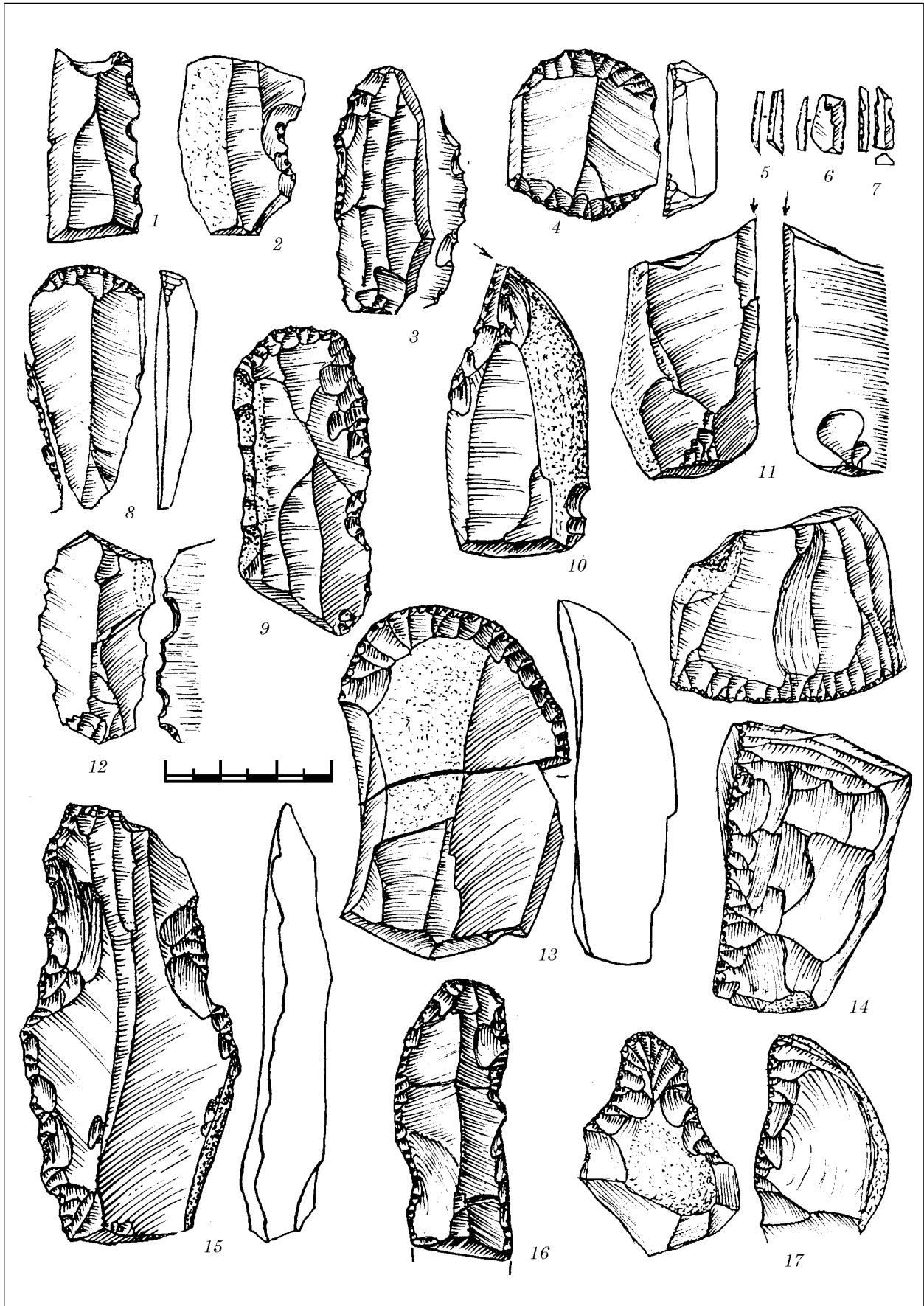

Рис. 2. Вось. 1—3, 12, 15, 16 — целые и фрагментированные пластины с ретушью; 4, 9, 13 — скребки на пластинах и их фрагментах; 5—7 — микропластинки, в т. ч. с ретушью; 10, 11 — резцы на фрагментах пластин; 14, 17 — высокие формы скребков (по: [Залізняк та ін., 2008; Залізняк, Беленко, 2011])

Костенки 12: III, бассейн среднего Дона, РФ [Рогачев, Аникович, 1982; Аникович и др., 2008]. Возраст ~36—32 тыс. л. н. (радиоуглеродные конвенционная и AMS некалиброванные даты). Индустрия: стрелецкая (ранний этап), архаичный ВП, сочетающий СП (в типологии) и ВП компоненты. Сырье почти исключительно местное. «Техника первичного раскалывания непластинчатая: нуклеусы плоские, параллельного снятия» [Аникович и др., 2008, с. 89]; широко применялась двусторонняя технология, характеризующаяся как не имеющая никаких архаичных черт [Аникович и др., 2008, с. 89]. Заготовкой для орудий служили отщепы, осколки, фрагменты плиток [Аникович и др., 2008, с. 89]. Ориньякоидный компонент не представлен. Дополню выше изложенное некоторыми впечатлениями от знакомства с частью коллекции III слоя Костенок 12, больше акцентировав на технологических показателях. Расщепление параллельное, применялся как твердый, так и мягкий отбойник. Преобладает (под-) параллельная огранка, хотя имеются сколы с (под-) перпендикулярной и, возможно, центростремительной огранкой спинки. Имеются как фасетированные, так и редуцированные сколы, причем в одном случае зафиксирована пришлифовка зоны удара. Преобладают отщепы, но имеются и довольно правильные и крупные (шириной до 3 см) двух-, трехскатные пластины и пластинчатые сколы. Есть реберчатые сколы первого и второго снятия (рис. 3).

Костенки 14: II, бассейн среднего Дона, РФ [Рогачев, Синецын, 1982; Аникович и др., 2008]. Возраст ~28—26 тыс. л. н. (радиоуглеродные конвенционные некалиброванные даты). Индустрия: городцовская, архаичный ВП, сочетающий СП и ВП компоненты. Ближайшие региональные аналогии: Костенки 12: I, Костенки 15. Более удаленные аналогии — стоянка Талицкого, Мира [Аникович и др., 2008; Sinitsyn, 2010]. Преобладает местное (?) сырье. «Каменная индустрия Костенок 14: II выглядит самой архаичной» среди городцовских памятников [Аникович и др., 2008, с. 117]; применялась, но ограниченно, технология двусторонней заготовки, плоско-выпуклые бифасы отсутствуют; «характерно практически полное отсутствие пластинчатой техники» [Рогачев, Синецын, 1982, с. 149], основной тип нуклеуса — «аморфный кубовидный» [Рогачев, Синецын, 1982, с. 149], имеются также центростремительные формы. Наряду с преобладающей заготовкой — отщепом, для орудий на сколах использовались и пластины (рис. 4). По крайней мере часть изделий значительно модифицирована. Ориньякоидный компонент представлен, по крайней мере, кареноидными скребками.

Костенки 12: I, бассейн среднего Дона, РФ [Рогачев, Аникович, 1982; Аникович и др., 2008]. Возраст ~26—25 тыс. л. н. (радиоуглерод-

ные конвенционные некалиброванные даты). Индустрия: городцовская, архаичный ВП, сочетающий СП и ВП компоненты. Ближайшие региональные аналогии: Костенки 14: II, Костенки 15. Преобладает приносное (?) сырье. «Индустрия основана на удлиненной заготовке» [Рогачев, Аникович, 1982а, с. 135]; не ясно, применялась ли технология бифасиальной заготовки, среди нуклеусов — призматические с 1—2 площадками, имеются торцовые и плоскостные параллельные формы [Рогачев, Аникович, 1982а, с. 135]. «... около половины предметов со вторичной обработкой выполнено на пластинах и пластинчатых отщепах...» (рис. 5). Значительная часть изделий существенно модифицирована. Ориньякоидный компонент представлен единичными скребками карене и некоторым числом изделий на микропластинках. «В каменном инвентаре ... довольно отчетливо выступает сочетание двух культурных традиций: городцовской ... и стрелецкой» [Рогачев, Аникович, 1982а, с. 136—137], что поясняется реутилизацией обитателями слоя более древних (стрелецких) изделий.

Костенки 15, бассейн среднего Дона, РФ [Рогачев, Синецын, 1982а; Аникович и др., 2008]. Возраст ~26 тыс. л. н. (радиоуглеродная конвенционная некалиброванная дата). Индустрия: городцовская, архаичный ВП, сочетающий СП (типологический) и ВП компоненты. Ближайшие региональные аналогии: Костенки 14: II, Костенки 12: I. Преобладает приносное (?) сырье. Среди нуклеусов имеются плоскостные параллельные, центростремительные, торцовые [Рогачев, Синецын, 1982а, с. 165]. «... правильная пластина является основным видом заготовки только для скребков...» [Рогачев, Синецын, 1982а, с. 165], но они составляют более 45 % орудий. (рис. 6). Настоящие двусторонние формы отсутствуют. Часть изделий существенно модифицирована. Ориньякоидный компонент не выражен. Серия сколов (включая ретушированные) из собрания МАЭ РАН доставляет такие показатели: параллельно ограненных 78.37, с центростремительной огранкой 6.41, IF 16.49, IFs 11.86, Pam 41.8, индекс редуцированных сколов 22.68, индекс сколов с губкой 38.14. Имеются сколы с пришлифовкой зоны скалывания (10.3) и элементами «освобождения площадки» (по Ю.Е. Гире, 1997) (2.57).

Заозерье, бассейн верхней Камы, северное Приуралье, РФ [Павлов, 2008; 2009; Pavlov et al., 2004]. Возраст между 35—33 тыс. л. н. (радиоуглеродные некалиброванные AMS даты). Индустрия: особый тип ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, архаичный ВП, сочетающий СП и ВП компоненты. Ближайшие аналогии ВП компоненту находятся в спицынской индустрии среднего Дона (Костенки XVII, слой 2 и Костенки XII, слой 2). Сырье двусторонних изделий — приносное, иных — местное. СП компонент (плоско-выпуклые бифасы, чаще овальные)

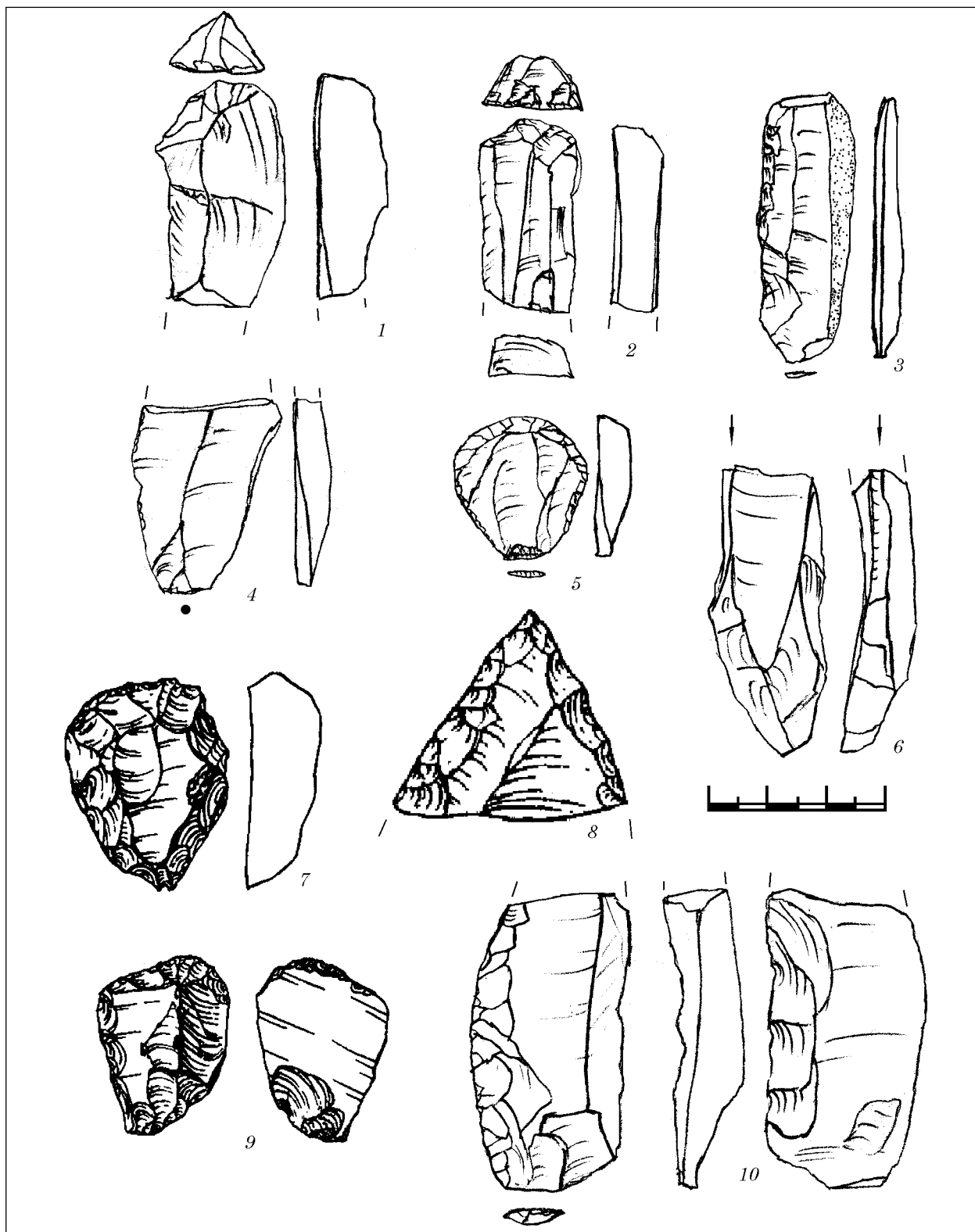

Рис. 3. Костенки 12, слой III. 1 — скребок на реберчатой пластине, 2⁺, 5*, 7, 9 — скребки на пластинах и их фрагментах; 3, 4, 10** — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 6 — резец на фрагменте реберчатой пластины 2-го снятия; 8 — остроконечник на фрагменте пластины. (7, 9 — по: [Рогачев, Аникович, 1984]; 8 — по: [Рогачев, Аникович, 1982]). + — намеренно фрагментирован; зона удара: * — с губкой, пришлифована; ** — фасетирована

позволяет усматривать параллели в инвентаре слоя IVб Костенок XIV, также базирующийся на развитом пластинчатом расщеплении. От древнейших памятников костенковско-стрелецкой

культуры стоянку Заозерье «особенно отличает ... развитая пластинчатая техника, отсутствие бифасов-наконечников...» [Павлов, 2008, с. 123]. Технику первичного раскалывания характери-

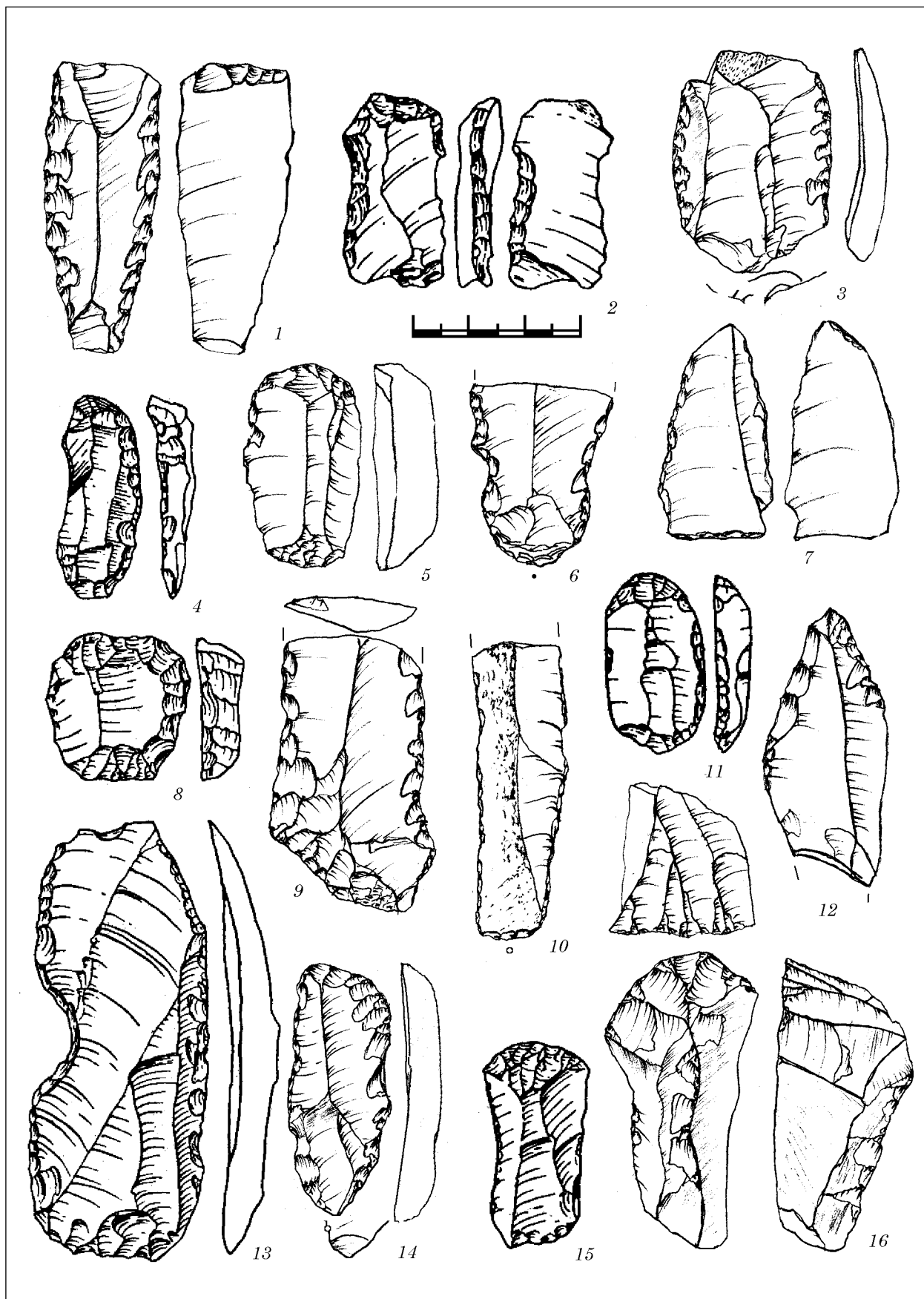

Рис. 4. Костенки 14, слой II. 1 — долото на двускатной ретушированной пластине; 2, 4, 6, 7, 9—11, 13, 14 — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 3 — укороченный пластинчатый скол; 5, 8, 11, 15 — скребки на пластинах; 12 — острие (остроконечник) на пластине; 16 — скребок карене на реберчатом сколе (2, 4, 8, 11, 13, 15 — по: [Рогачев, Силицын 1982])

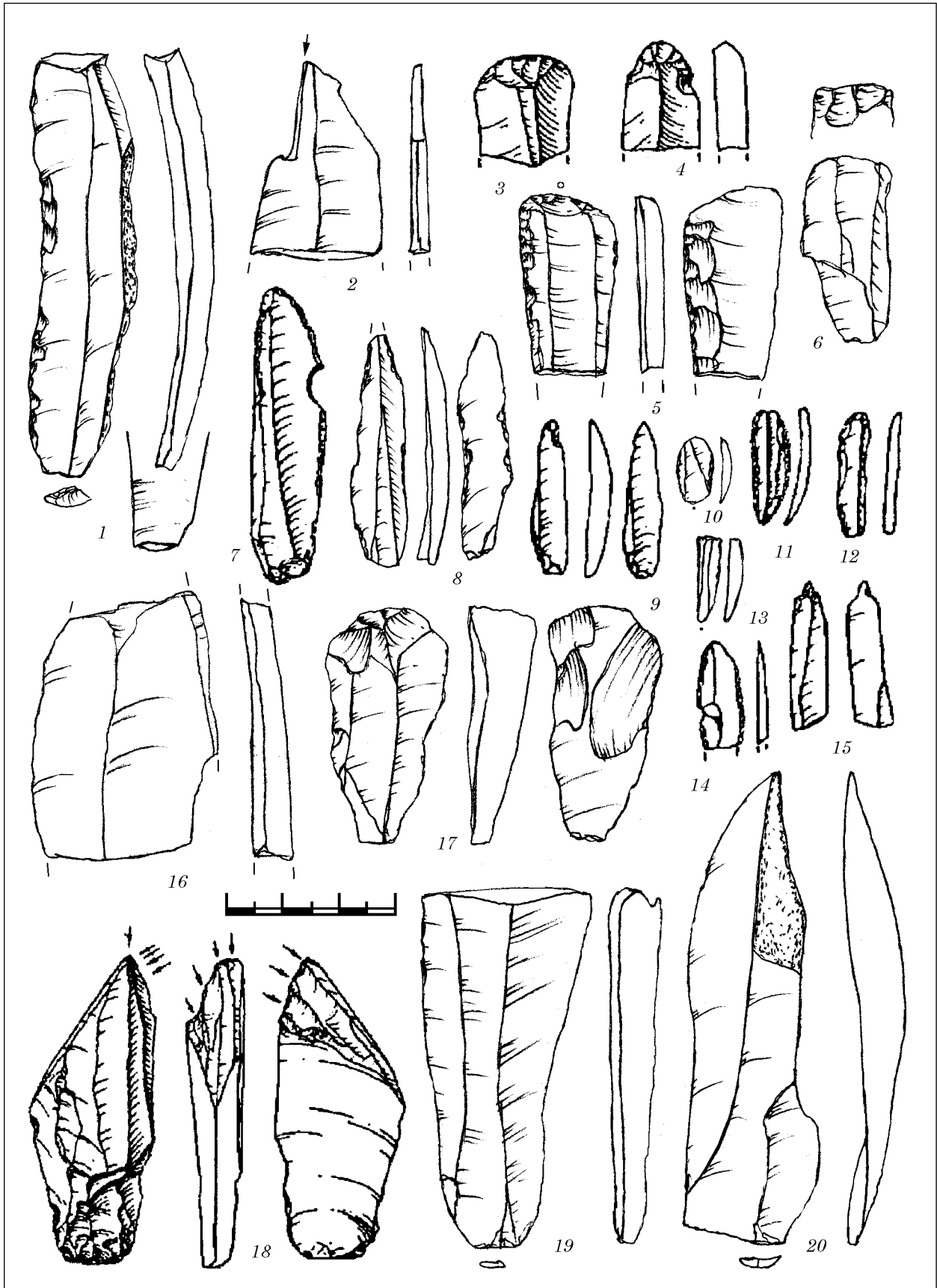

Рис. 5. Костенки 12, слой I. 1, 7, 8, 16, 19*, 20** — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 2 — резец на фрагменте пластины; 3, 4, 5, 17 — разнотишные скребки на пластинах; 6 — долото на пластине; 9—15 — целые и фрагментированные микропластинки, в т. ч. с ретушью; 18** — многофасеточный резец на пластине. (3, 4, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 18 — по: [Аникович и др., 2008]). Зона удара: * — с губкой и редукцией; ** — редуцированная

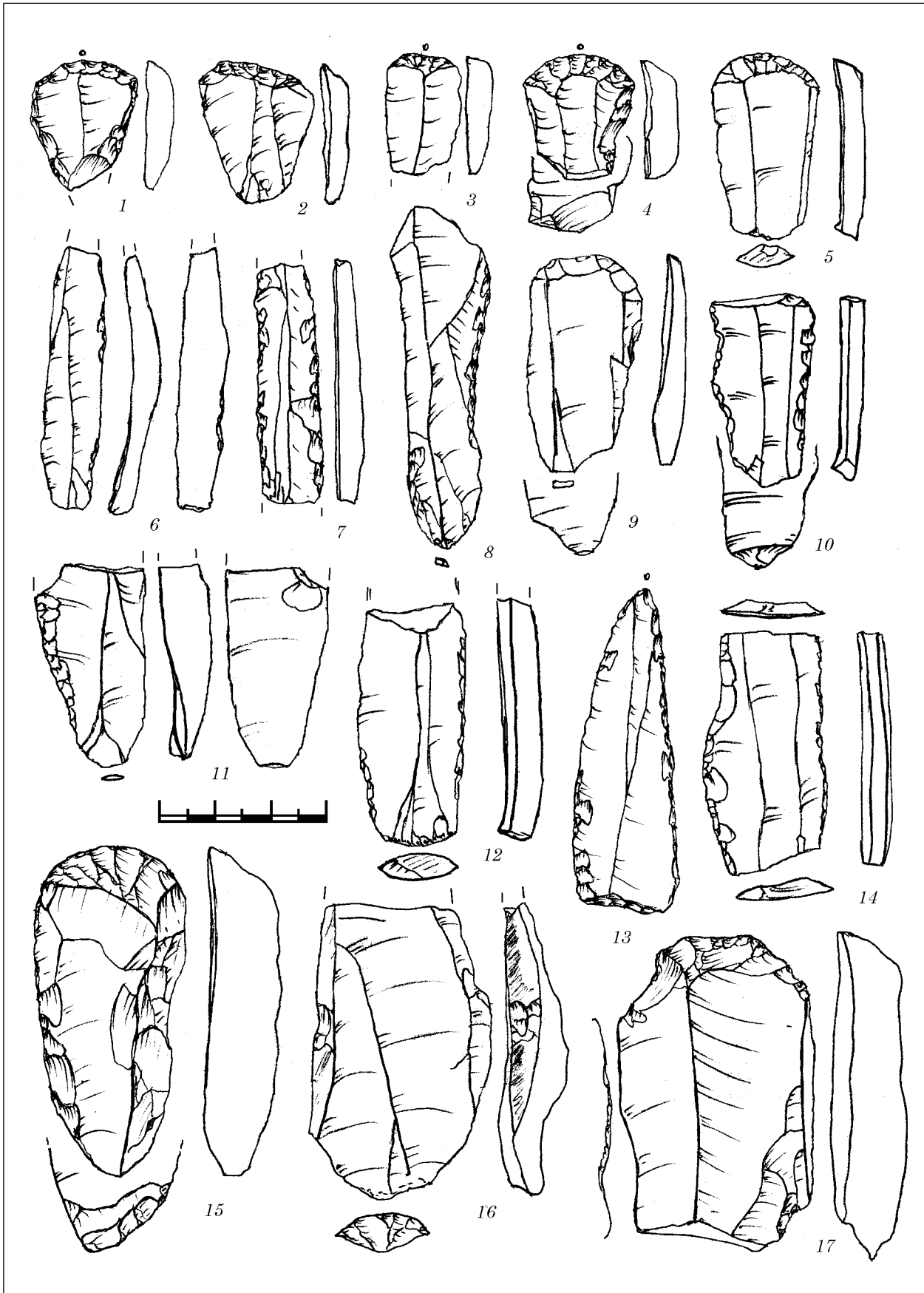

Рис. 6. Костенки 15. 1—5*, 9**, 17 — разнотишные скребки на пластинах; 6—8, 10**, 11*, 12***—14+, 16**** — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 15 — скребок на реберчатой пластине. + — намеренно фрагментирован; зона удара: * — с губкой; ** — с губкой, пришлифована; *** — редуцирована; **** — фасетирована

зуют объемные призматические нуклеусы (отмечается подготовка ребра), среди сколов расщепления нуклеусов доминируют пластины и пластинки с параллельной огранкой (рис. 7), орудия на пластинах и удлиненных сколах часты; применялась «микокская» технология плоско-выпуклой двусторонней заготовки. Отмечается некоторая «ориньякоидность» (ориентация на крупную пластину, высокие формы скребков).

Бызовая, бассейн средней Печоры, север ВЕ, РФ [Павлов, 2008; Pavlov et al., 2004]. Возраст ~29 тыс. л. н. (радиоуглеродные некалиброванные даты). Индустрия: особый тип ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы (первоначально определялся как восточный селет с ориньякскими чертами), архаичный ВП, сочетающий СП и ВП компоненты. Ближайшая региональная аналогия усматривается в материалах Заозерья, более удаленные параллели — в материалах костенковско-стрелецкой культуры и «старосельской фации крымской микокской традиции» [Павлов, 2008, с. 41]. Для всех типов изделий и использовалось и приносное, и локальное сырье. «Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного и плоскостного расщепления» [Павлов, 2008]; применялась «микокская» технология плоско-выпуклой двусторонней заготовки; для орудий на сколах использовалась пластинчатая заготовка (рис. 8). По сообщению П.Ю. Павлова, в каменном инвентаре имеются типичные «ориньякские» кареноидные и стрельчатые скребки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Резюмируем вышеприведенные текстовые и иллюстративные данные в отношении применения технологии пластинчатого расщепления и представленности «ориньякоидного» компонента.

Костенки 12: III. ~36—32 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка. Использовалось местное сырье. Инвентарь включает 2—3-скатные крупные широкие пластины (до 3 см) и пластинки (до 2 см). Имеются указания на применение приема редукции и фасетирования зоны удара, использование мягкого и жесткого отбойника и подготовку ребра. В целом, развитая пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника, но использовалась ими ограниченно. Ориньякоидный компонент не представлен.

Заозерье. ~35—33 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка (-ки) близ места охоты на лошадей. Использовалось местное и приносное сырье. Инвентарь включает крупные широкие (до 3 и более см), слегка изогнутые в профиле пластины и пластинки (до 2 см в поперечнике). По данным П.Ю. Павлова применялось объемное призматическое расщепление с подготовкой ребра, по-видимому, одноплощадочное и встречное, зона удара, возможно, иногда контролировалась фасетиро-

ванием. В целом, развитая пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника. Ориньякоидность проявляется в ориентации на крупную пластину и в наличии высоких формы скребков.

Бысь. ~30 тыс. л. н. (?) Вероятный профиль памятника — стоянка-мастерская близ выходов сырья. Не исключено поэтому, что инвентарь отсортирован и в нем отсутствует часть качественных пластинчатых сколов. Судя по опубликованным материалам, индустрия Быси ориентирована на укороченную пластинчатую заготовку средних размеров. Применялось одноплощадочное и встречное параллельное плоскостное и полуобъемное расщепление, зона удара контролировалась редукцией. Не исключается намеренное производство микропластинок. В целом, имеющийся инвентарь имеет отщеповый облик, но пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника. Ориньякоидный компонент включает высокие формы скребков и немногочисленный микроинвентарь.

Бызовая. ~29 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка охотников на мамонта. Использовалось местное и приносное сырье. Инвентарь включает крупные широкие пластины и пластинки. Применялось объемное и плоскостное параллельное расщепление, возможно, использовался прием редукции. В целом, пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника. Ориньякоидный компонент представлен кареноидными и стрельчатыми скребками.

Мира: I. ~28—27 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка близ места охоты на лошадей. Сырье удаленное, испытывался явный его дефицит. Исходный набор предметов включал крупные широкие пластины, в дальнейшем значительно трансформированные. Индустрия Миры ориентирована на удлиненную пластинчатую заготовку крупных и средних размеров. Не исключается намеренное производство микропластинок и чешуек. Применялось одноплощадочное и встречное параллельное объемное (?) расщепление, зона удара контролировалась редукцией и фасетированием; применялась технология подготовки ребра на нуклеусе, мягкий отбойник. В целом, вполне развитая пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника. Ориньякоидный компонент включает микроинвентарь, единичные высокие скребки, крупные пластины.

Костенки 14: II. ~28—26 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка близ места охоты на лошадей. Использовалось местное сырье. Инвентарь включает крупные широкие пластины и 2—3-скатные пластинки. Есть указания на применение приема редукции зоны удара, использование мягкого отбойника и подготовку ребра, и практику

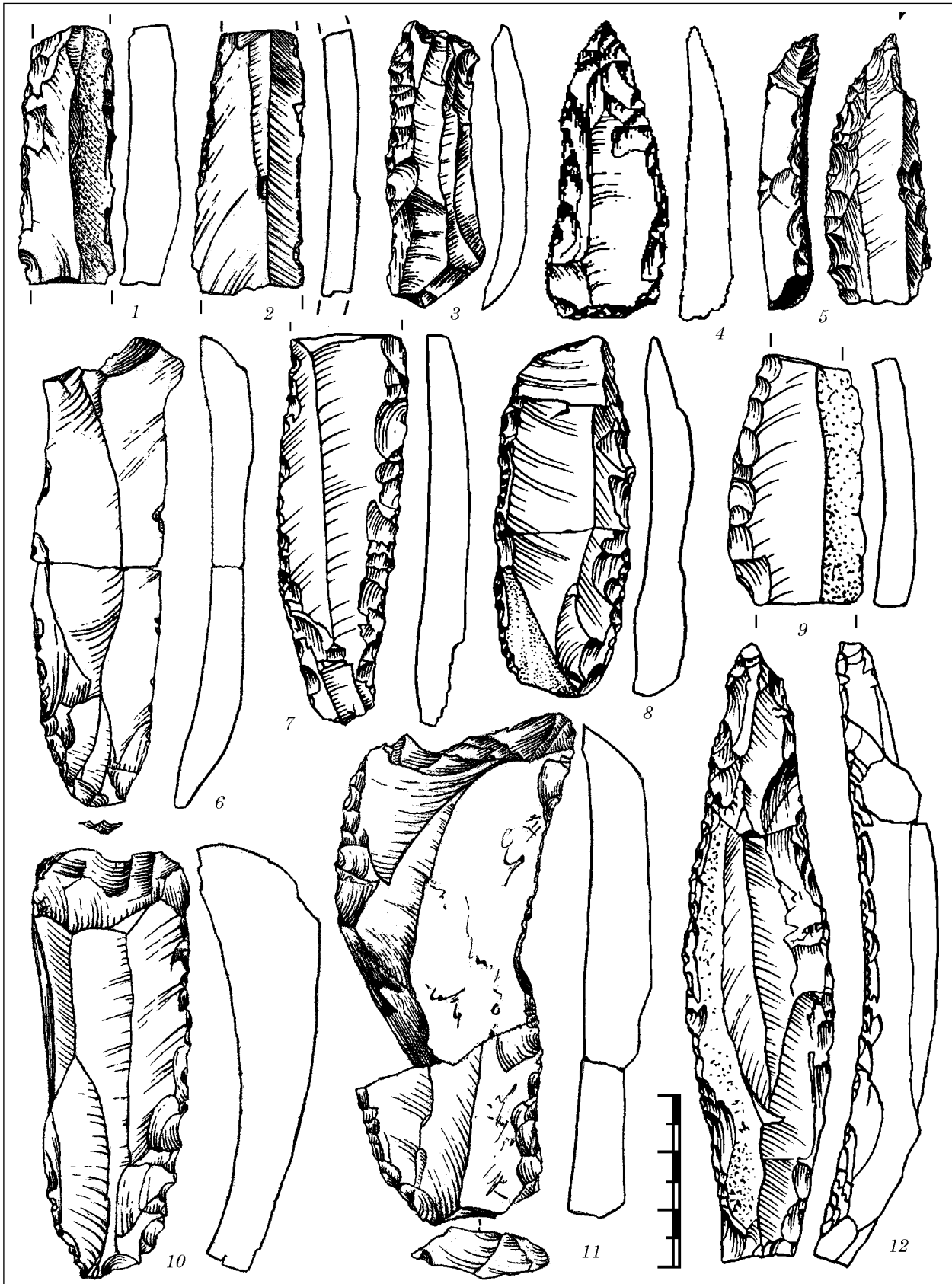

Рис. 7. Заозерье. 1—3, 6—11*, 12 — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 4, 5 — остроконечники на пластинах (1—12 — по: [Pavlov et al., 2004]). Зона удара: * — фасетирована

бипродольного расщепления. Не исключается намеренное производство укороченных пластин (пластинчатых сколов) и микропластинок.

В целом, развитая пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника, хотя применялась ограниченно. Оринья-

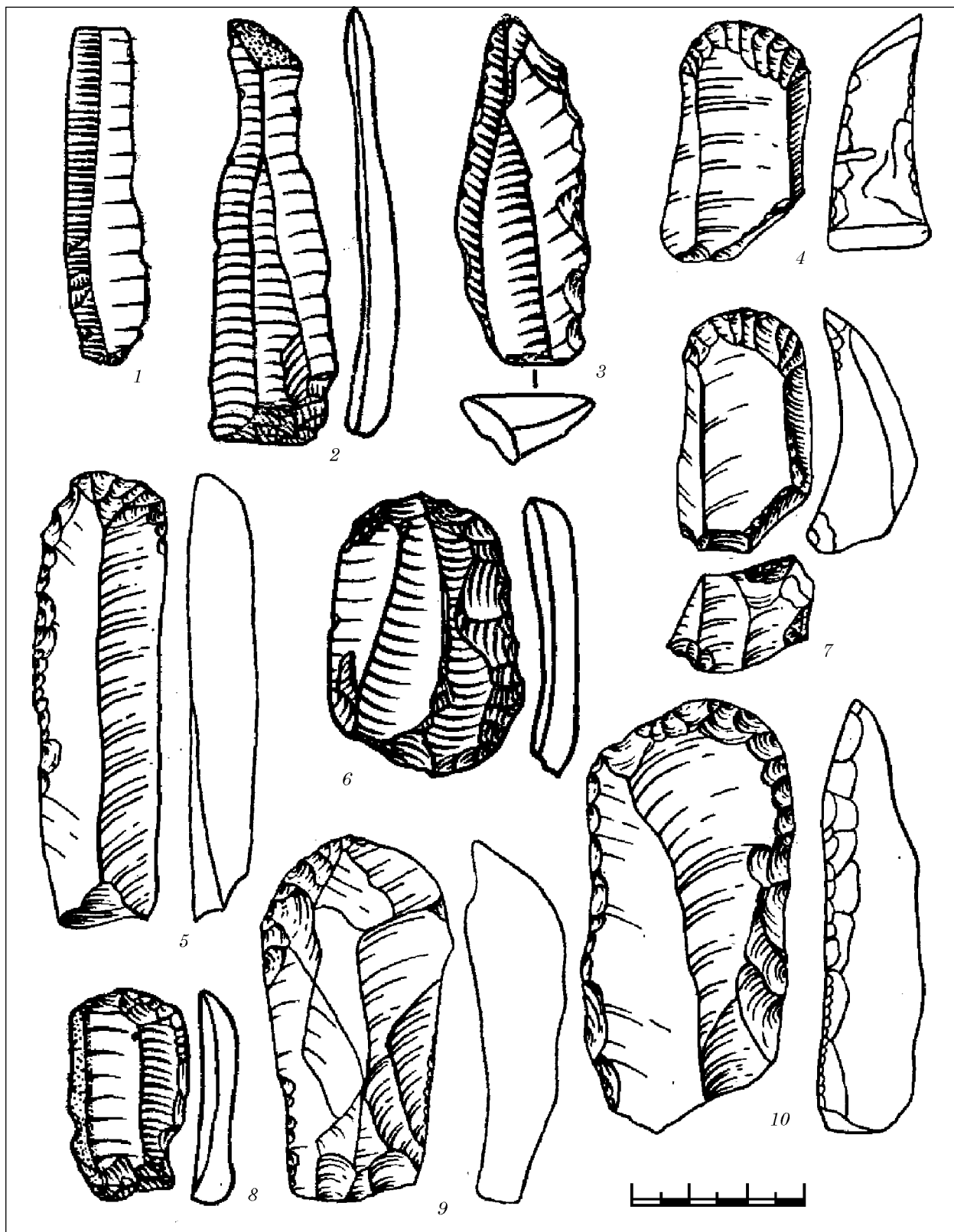

Рис. 8. Бызовая. 1—3 — целые и фрагментированные пластины, в т. ч. с ретушью; 4—10 — различные скребки на пластинах и их фрагментах (1—3, 6, 8 — по: [Канивец, 1976]; 4, 5, 7, 9, 10 — по: [Рогачев, Аникович, 1984])

коидный компонент представлен кареноидными скребками.

Костенки 12: I. ~26—25 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — стоянка по разделке. Использовалось приносное (?) сырье. Инвен-

тарь включает крупные широкие пластины (до 3 см) и пластинки (1—1,5 см), микропластинки. Также как и для Костенок 14: II есть указания на применение приема редукции зоны удара, использование мягкого отбойника и подготов-

ку ребра. Вполне развитая пластинчатая технология, безусловно, была знакома обитателям памятника и широко ими использовалась. Ориньякоидный компонент представлен изделиями на микропластинках, скребками карене.

Костенки 15. ~26 тыс. л. н. Вероятный профиль памятника — сезонная стоянка близ места охоты на лошадей. Использовалось приносное (?) сырье. Инвентарь включает 2—3-скатные крупные широкие пластины (до 3 см), пластинки (до 2 см). Имеются указания на применение приема редукции и фасетирования зоны удара, широкое использование мягкого отбойника и подготовку ребра. Передки примеры пришлифовки зоны скалывания, имеются сколы с элементами освобождения площадки. В целом, пластинчатая технология характеризуется весьма развитыми чертами, и использовалась обитателями памятника довольно интенсивно. Ориньякоидный компонент не выражен.

* * *

Итак, как выяснилось, среди привлеченных для обзора РВП памятников не оказалось ни одного, лишенного указаний применения развитого пластинчатого расщепления. Все привлеченные индустрии архаичного РВП демонстрируют знакомство с технологией пластинчатого расщепления, причем в довольно развитой форме. Материалы свидетельствуют о комплексном использовании мягкого отбойника, приема создания ребра, применении тщательного контроля над параметрами зоны удара, использования полубъемного или объемного расщепления, часто бипродольного. Даже индустрии, традиционно описываемые как отщеповые — напр., стрелецкий комплекс Костенок 12: I или городцовский инвентарь Костенок 14: III — содержат сколы, убедительно иллюстрирующие знакомство их изготовителей с различными продвинутыми приемами пластинчатой технологии. Пластинчатая продукция всех привлеченных индустрий сходна. Она не унифицирована, и обязательно содержит двух-, трехскатные широкие крупные пластины (до 3 см в поперечнике), пластинки (1—2 см) и, иногда, микропластинки. Последние, вместе с чешуйками, могли быть как ожидаемым результатом оформления нуклевидных скребков, так и сопутствующим отходом изготовления и подправки массивных орудий с высоким лезвием. Пластинчатые продукты двух первых стандартов были всегда востребованы для изготовления ретушированных предметов. Следует подчеркнуть, однако, что крупные пластины и многие пластинки в контексте упомянутых индустрий часто намеренно фрагментированы и интенсивно модифицированы. Это может свидетельствовать и о трудностях с сырьем, и об отсутствии потребности в крупной целой пластине как заготовке для орудия.

Несомненно, между привлеченными для обзора индустриями есть и различия. Иногда эти

различия, возможно, объясняются хронологическим положением памятника, как в случае самого технологически «продвинутого», но и самого позднего инвентаря Костенок 15. Иногда, возможно, эти различия имеют экономические, стилистические, или культурные причины. К таким примерам, может быть, следует отнести своеобразную тенденцию производства укороченных пластинчатых заготовок в Выси и Костенках 12: III. К их числу, видимо, следует отнести и т. н. «ориньякоидную» составляющую. Эта составляющая проявляется не во всех РВП архаичных индустриях и, к тому же, в разном виде, она имеет очень индивидуальный характер. В качестве элементов «ориньякоидной» составляющей чаще всего рассматриваются крупные пластины, высокие (в т. ч. кареноидные) скребки, микропластинки дюфур и рокде-комб. Лишь один элемент — «крупные пластины» — свойствен всем без исключения РВП архаичным индустриям. Но можно ли вообще считать этот признак указанием на «ориньякоидность»? Кареноидные скребки и дюфуры, безусловно, более значимы в этом смысле. Несогласное проявление значимых «ориньякоидных» элементов (или вообще их отсутствие) в контексте разных РВП инвентарей, по крайней мере, является указанием на отсутствие единой общей причины, обусловившей «ориньякоидность» ряда архаичных РВП индустрий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая статья посвящена предварительному обзору ряда РВП индустрий восточноевропейского региона с целью выяснения роли в них технологии пластинчатого расщепления. Была сделана также попытка оценить меру специфичности «ориньякоидной» составляющей этих индустрий. Для большей полноты и убедительности следовало бы, разумеется, подробно и единообразно охарактеризовать коллекции с технико-типологической и статистической точек зрения. Возможно, это станет возможным в будущем. Пока же, исходя из имеющихся данных, можно утверждать следующее. Все привлеченные для обзора индустрии архаичного РВП демонстрируют знакомство с технологией пластинчатого расщепления, причем в довольно развитой его форме. Однако интенсивность использования этой технологии была различной. Пластинчатая продукция всех привлеченных индустрий сходна, содержит продукты двух основных метрических стандартов, которые были востребованы в дальнейшем производстве. «Ориньякоидная» составляющая проявляется не во всех РВП архаичных индустриях и, к тому же, в разном виде, она имеет очень индивидуальный характер. Возможно, это является указанием на отсутствие единой общей причины, обусловившей «ориньякоидность» ряда архаичных РВП индустрий.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. — СПб: Нестор-История, 2007. — 336 с.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. — СПб: Нестор-История, 2008. — 302 с.

Гладких М.Л., Станко В.Н. Эпоха пізнього палеоліту // Давня історія України. — К., 1997. — Т. 1. — С. 51—113.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. — СПб: Изд-во СПб ун-та, 2008. — 252 с.

Гуря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. — СПб: АкадемПринт, 1997. — 200 с.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. — № 3 (43). — С. 2—38.

Залізник Л.Л., Беленко М.М. Стоянка Вись ранньої пори верхнього палеоліту на Кіровоградщині // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 35—44.

Залізник Л.Л., Беленко Н.Н. Стоянка селетского круга на речке Вись в центральной Украине (исследования 2007 и 2008 гг.) // Stratum plus. — 2011. — № 1. — С. 261—273.

Залізник Л.Л., Беленко М.М., Озеров П.І. Стоянка Вись та її місце у пізньому палеоліті України // Кам'яна доба України. — 2008. — № 11. — С. 59—74.

Канивец В.И. Палеолит крайнего северо-востока Европы. — М.: Наука, 1976. — 95 с.

Коген В.Ю., Степанчук В.Н. Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту: новые данные из Восточной Европы // Stratum plus. — 2000. — № 1. — С. 31—53.

Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 1 (33). — С. 33—45.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы // РА. — 2009. — № 1. — С. 5—17.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Костенки 12 (Волковская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. — Л., 1982. — С. 132—140.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 162—271.

Рогачев А.Н., Синицын А.А. Костенки 14 (Маркина Гора) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. — Л., 1982. — С. 145—162.

Рогачев А.Н., Синицын А.А. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. — Л., 1982а. — С. 162—171.

Синицын А.А. Сходство и различие Кара-Бомского пласта и начального верхнего палеолита Восточной Европы // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск, 2005. — С. 179—184.

Степанчук В.Н. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточноевропейской равнины // Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. — 2005. — Вып. 3. — С. 197—233.

Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. — Чернівці: Зелена Буковина, 2006. — 464 с.

Cohen V.Yu., Stepanchuk V.N. Late Middle and Early Upper Palaeolithic Evidence From the East European

Plaine and Caucasus: a New Look at Variability, Interactions, and Transitions // Journal of World Prehistory. — 1999. — 13-3. — P. 265—319.

Hoffecker J.F. The Early Upper Paleolithic of Eastern Europe Reconsidered // Evolutionary Anthropology. — 2011. — № 20. — P. 24—39.

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.I. The Pleistocene colonization of northeastern Europe: a report on recent research // Journ. of Human Evolution. — 2004. — 47. — P. 3—7.

Sinitsyn A.A. The early Upper Palaeolithic of Kostenki: Chronology, Taxonomy, and Cultural Affiliation // New aspects of the Central and Eastern European Upper Paleolithic — methods, chronology, technology and subsistence / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission. — 2010. — Band 72. — S. 27—48.

В. М. Степанчук

АРХАЇЧНІ ІНДУСТРІЇ РАНЬОГО ВЕРХНЬОГО ПАЛЕОЛІТУ СХІДНОЇ ЄВРОПИ: ДО ПИТАННЯ ПРО ТЕХНОЛОГІЮ ПЛАСТИНЧА- ТОГО РОЗЩЕПЛЮВАННЯ І ПРО «ОРІНЬЯКОЇДНІСТЬ»

Стаття присвячена деяким аспектам вивчення раннього верхнього палеоліту Східної Європи, а саме, питанню застосування технології пластинчастого розщеплювання в контексті т. з. архаїчних (симбіотичних) ВІІ індустрій регіону, а також з'ясуванням іри властивості цим індустріям т. з. «оріньякоїдності».

V. M. Stepanchuk

EARLY UPPER PALAEOLITHIC ARCHAIC INDUSTRIES OF THE EASTERN EUROPE: EXPLORING THE QUESTION OF BLADE TECHNOLOGY AND «AURIGNACOÏDE» FEATURES

Proposed paper is devoted to some important aspects of studies on East European Early Upper Paleolithic, namely, to the question of application of blade technology in the context of so-called Archaic (Symbiotic) EUP industries, as well as to the evaluation of measure of inherency of so-called «Aurignacoïde» features to these industries.

All above reviewed archaic EUP industries demonstrate good familiarity with rather developed blade technology involving (semi)volumetric uni- or bidirectional parallel knapping, guiding crests, soft hammer technique, thorough control over striking zone etc. Blade production of all involved industries is basically similar, and contains products of two (sometimes three) metrical standards. «Aurignacoïde» components appear to be presented not in all archaic EUP industries and, additionally, they are quite variable. Perhaps this might indicate the lack of a single common reason for the certain «Aurignacoïdeness» of some East European archaic EUP industries.